

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Р. Саква

РОССИЙСКИЙ РЕЖИМ: ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ

Ричард Саква – профессор, руководитель Отдела политики и международных отношений Кентского университета в г. Кентербери (Великобритания).

Введение

Данная работа посвящена анализу меняющейся природы отношений внутри политической системы с приходом к власти Владимира Путина и изменениям в отношениях между режимом и обществом. Исходный посыл состоит в том, что режим Ельцина оставался “переходным”, нацеленным на системную трансформацию общества; режим же Путина, напротив, направлен на консолидацию общества, которое уже миновало (по мнению Путина) переходную стадию, хотя еще многое в нем предстоит изменить. При этом, однако, консолидация необязательно относится к демократии, скорее – к самому режиму и в известной степени к государству. Что касается изменений, они уже не видятся революционными. Подход к реформированию как к системной трансформации сменился императивом системного управления. Отсюда следует, что политика отныне стала “нормальной” в том смысле, что общие вопросы конституирования российского общества уступили главенствующее место правительственному регулированию более заземленных политических проблем.

На смену резкой поляризации политических сил, характерной для правления Ельцина, пришла ориентация на откровенно консенсусный и “центристский” курс. Суть этого центризма заключается не просто в том, чтобы избегать левых и правых крайностей, но в приверженности радикальному центризму, который отстаивают теоретики “третьего пути” типа Энтони Гидденса¹, с адаптацией его к ситуации в России. Однако такому радикальному центризму и ассоциируемой с ним “нормальной” политике присущ ряд фундаментальных противоречий и прежде всего противоречие между признанием необходимости поощрять гражданскую активность и попытками контролировать ее. Остается неясным главное: является концепт “управляемой” или “ведомой” демократии, выдвигаемый рядом советников Путина, опасностью, которую необходимо избежать, или это программа, подлежащая выполнению! Ведь политика “возврата к нормальности” сопровождается тревожащими призывами к “нормализации”. Коротко говоря, в какой степени

удалось достичь относительно цельного и прочного политического порядка, какова его природа? Зависит ли он в первую очередь от личности президента, или в системе проявляются элементы автономии от политического режима?

От “режима транзита” к “режиму консолидации”: Политика нормальности и “нормализации”

Итак, режим Ельцина был “режимом транзита”, посвятившим себя системному преобразованию общества. Эту его характеристику подчеркивают, в частности, П.Реддавей и Д.Глинский, чья книга имеет подзаголовок: “Рыночный большевизм против демократии”². По контрасту с ним режим Путина стремится к консолидации, исходя из завершенности перехода, пусть даже необходимы дальнейшие перемены, прежде всего в сферах экономики и федерализма. Это уже вопрос не трансформации, а политического менеджмента, касаясь которого Путин не раз использовал образ и терминологию “возврата к нормальности”, часто употреблявшуюся в США после Первой мировой войны. Каковы же ключевые черты путинской политики нормальности?

Первая черта – отказ внести изменения в Конституцию. Таков был рефрен уже самых первых его политических заявлений, хотя впоследствии он звучал реже. Однако вопреки декларациям институциональное развитие, например, учреждение семи федеральных округов, приняло пара-конституционные формы. Несмотря на то, что этот шаг вызвал видоизменение самой системы федерализма в том виде, в котором она была зафиксирована в Конституции, учреждение округов стали изображать средством оптимальной организации исполнительной власти, не требующей внесения конституционных поправок. Другим примером пара-конституционных мер стало принятие закона о слиянии субъектов Федерации и инкорпорации новых субъектов. Отметим, что конституционный порядок во всех демократических обществах формируется как результат законодательной деятельности и изменений в политической практике, но здесь мы имеем дело со стадией, когда, по марксистской терминологии, количественные изменения требуют качественного переформулирования конституционной доктрины. В России такое переформулирование, вероятно, понадобится и для продления срока исполнения президентских обязанностей до семи лет.

Вторая черта путинской политики нормальности – отказ пересмотреть итоги приватизации ельцинского периода, превыше всего середины 1990-х годов. Нынешняя приватизация проходит на соревновательной, открытой, тендерной основе, и она, пусть пока еще и не дала больших результатов, принесла больше в государственную казну, чем все массовые приватизационные акции Ельцина вместе взятые. Хотя нежелание поставить вопрос о законности тех акций можно расце-

нить как проявление робости перед “семьей”, чьи коренные интересы могли бы быть затронуты, допустима и иная трактовка – боязнь навлечь еще одну социальную революцию. Принимая как данное, что ельцинская “революция сверху” заложила основу рыночной экономики в России, Путин полагает, что всеохватывающее разоблачение коррупции и прямого хищения, которыми сопровождался этот процесс, вызовет социальный раскол и раздоры; по его мнению, лишь неоспоримо доказанные преступления должны стать предметом расследования. Тем самым Путин подставляет себя под обвинение в том, что он хотел бы предать суду так называемых олигархов, наживших свои состояния в период дикого капитализма, выборочно, руководствуясь политическими соображениями.

Третьей чертой, как явствует из вышеизложенного, является явное неприятие революции в качестве эффективной формы позитивных политических изменений. В прямом телевизионном диалоге с россиянами в декабре 2001 г. Путин заметил: “Как сказал один мой знакомый, Россия в минувшем веке перевыполнила план по революциям. Я надеюсь, что в двадцать первом веке не будет революций, что будут только положительные вещи”³. Это перекликается с настроениями Путина, озвученными в декабре 1999 г. в его “Манифесте тысячелетия”, где он заявил, что исповедуемая коммунистами революционная модель развития не только не принесла благосостояния, но и не могла сделать это⁴. Именно данный нюанс в огромной степени разделяет эпистемологические позиции Путина и Горбачёва, одновременно обозначая пропасть, лежащую между поколениями того и другого.

Можно назвать и многие другие черты политики нормальности, исповедуемой Путиным. Отметим наиболее важную, лежащую в основе всех прочих: стремление Путина примирить различные фазы российской истории, особенно последнего столетия. В своем новогоднем обращении к народу 31 декабря 2000 г. он заявил, что минувший год засвидетельствовал появление явных признаков стабильности в России. Это был, сказал он, год обнадеживающих и трагических событий⁵. Популярность Путина тогда оставалась большой – 38% россиян назвали его человеком года, как и годом ранее⁶. Накануне, 30 декабря, во время приема в Кремле он заметил, что принятие нового гимна явилось важным признаком того, что страна наконец сумела преодолеть разрыв между прошлым и настоящим⁷, добавив, что “нельзя находиться в постоянном разногласии с собственной историей и судьбой своей страны”⁸. Путин стремился положить конец тому “постоянному противоречию”, которое, как считают некоторые, было навязано России на заре современной эпохи Петром I, пытавшимся модернизировать Россию средствами, не соответствовавшими целям модернизации. Можно сказать, что с тех пор Россия жила в состоянии “перманентного перехода” (имея в виду под переходом заимствование моделей модернизации извне). Вот этот долгий переход, по мнению Путина, подошел к концу⁹.

Казалось также, что был найден ответ на вопрос “в какой стране мы живем?”. Глеб Павловский, *eminence grise*, если не Свенгали нового режима, заявил, что Путин разрешил проблему наследия СССР. “Сегодня, – указал он, – армия в Чечне одерживает победы под российским флагом, в то время как в предыдущей войне советская армия терпела поражения”¹⁰. Хотя Россия по-прежнему отказывалась провести формальную демаркацию границ с Украиной и другими соседними государствами, ельцинская политика сохранения “малой России” торжествовала и при Путине – но это вовсе не означает, что обновленная Россия отказалась от великодержавных интересов в бывшем имперском пространстве, которые она якобы преследовала.

Все вышесказанное приводит к мысли, что политика стала-таки “нормальной” в том смысле, что широкие вопросы конституирования общества уступили свой приоритет правительственному регулированию более заземленных политических проблем и рыночной экономики, основанной на частной собственности и международной экономической интеграции. Однако хотя ощущение нормальности, вне сомнения, возродилось в России после почти пятнадцати лет революционной перетряски, слышны и мотивы “нормализации”, напоминающие о периоде президентства Густава Гусака в Чехословакии после советской оккупации в августе 1968 г. Обратимся к этим мотивам.

Эволюция режима

В вопросе “когда же завершится переход?” есть что-то от средневековой схоластики, характерным образом проявляющейся в сравнительном изучении демократизации. При такой постановке вопроса простейший ответ гласит, что переход кончается, когда демократия консолидируется. Как известно, выявлению сути демократической консолидации были посвящены весьма оживленные дискуссии¹¹. Какое бы определение мы ни выбрали – от тезиса Хуана Линца и Альфреда Степана, что консолидация достигается, когда все значимые политические группы принимают демократию как безальтернативный вариант¹², до выделения Джоном Хигли и другими исследователями роли консенсуса элит¹³, а также акцента Сэмюэла Хантингтона на проверке по результатам¹⁴, – я полагаю, мы можем уверенно сказать, что политика в России еще не достигла стадии демократической консолидации. Как заметил Стивен Хэнсон, “институционализация демократических институтов в России пока очень слаба”, хотя способность антидемократических групп привлечь сторонников слаба в еще большей степени¹⁵. Несмотря на значительный консенсус внутри элиты относительно того, что единственным приемлемым способом осуществления политики является формальное следование демократическим принципам улаживания конфликтов, а также соблюдение

юридических и конституционных норм, тенденция подчинения электорального процесса властной системе и отсутствие эффективных механизмов отчетности исполнительной власти на федеральном и региональных уровнях предполагают, что беспристрастного использования нормативных стандартов пока нет. Масса вопросов возникает касательно независимости судебной власти. Сказанное не означает отрицания того, что после 1993 г. налицо бесспорные достижения в формировании учреждений современного демократического государства, базирующегося на конституционных нормах и разделении властей; нет, речь идет только о том, что этот процесс не завершен и протекает не в полном объеме¹⁶.

Вместо консолидации демократии мы скорее наблюдаем консолидацию режима. Мне доводилось писать в другом месте, что в политическом пространстве между полнокровным развитием автономных государственных институтов, характерных для передовых либерально-демократических государств, и формированием современной политической демократии (партии и социальные движения, представляющие гражданское общество) нередко возникает властный блок или режимная система, которая основана на институте президентства, но не адекватна этому институту^{16а}. Системная интеграция достигается посредством не столько закона, сколько личных связей, но в то же время в этих связях отражается упорядоченный образец взаимоотношений между основными заинтересованными в системе агентами. Таким образом необходимо проводить различие между типом режима, предназначенным классифицировать относительно дифференцированную правовую систему и механизм социального регулирования, с одной стороны, и правящим политическим режимом, функционирующим в интересах властной элиты – с другой. Правовые процедуры и развитие демократических институтов в последнем случае подрываются относительной независимостью системы власти как от государства, так и от общества. Перед нами классическая проблема различия между властью государства и властью правительства в период перехода от абсолютизма к современной представительной демократии¹⁷. Термин “режим” нормативно употребляется в отношении правительства, которое, с точки зрения демократической теории, недостаточно ограничено в прямом доступе к инструментам государственной власти (правовым, принудительным и идеологическим).

Эта крипто-демократическая режимная система в России не является уникальной, подобная патология проявлялась в других обновляющихся и демократизирующихся государствах, например, в послевоенной Японии в период правления либерально-демократической партии, в Италии до коллапса партократической системы в 1992 г.; она широко распространена в Латинской Америке (отметим в первую очередь Бразилию). У таких систем наличествуют корпоратистские признаки, но отсутствуют многие определяющие черты этатистского или социетального корпоратистских режимов. В отличие от последних они представляют расширенные патронажные системы, которые, оставаясь формально

демократическими, препятствуют свободному проявлению демократического плюрализма, поскольку связывают ключевые группы интересов и политические элиты в крипто-демократический режим посредством набора апробированных методов политической кооптации и субординации от открытого подкупа до клиентелизма, а в случае необходимости и выборочного принуждения. В этом контексте префикс “крипто” используется для обозначения скрытого, неформального и тайного характера политического процесса в условиях данных режимов.

Понимание взаимосвязи между консолидацией режима и развитием государства имеет ключевое значение для раскрытия природы политического порядка, возникающего в России. Без эффективного плюралистического государства демократия невозможна, но в условиях формирования крипто-демократического режима государство теряет свою самостоятельность, причем поддаваясь не столько влиянию различных интересов в обществе, сколько натиску паразитической колонизации со стороны самого правящего (управляющего) механизма. В этом есть элементы правления посредством использования закона (*Rechtsstaat*), в отличие от правления посредством использования законности, напоминающие о Втором райхе Бисмарка, в котором ни закон, ни представители общества не могли привлечь чиновника к ответу. Можно согласиться с тем, что установление позитивного закона в российских условиях само по себе уже не худо, означая на минимальном уровне то, что Фарид Закариа назвал “нелиберальной демократией”¹⁸. Однако с точки зрения герменевтики исторический процесс не может быть асинхронным, как всегда утверждали сторонники теории модернизации, поэтому мы наблюдаем единообразное развитие, при котором относительно менее развитые общества отстают “отсталыми” с точки зрения более развитых обществ и не могут быть изолированы в некоем загоне для догоняющих стран. Это часть той безжалостной логики, которая смела советский коммунизм, и это та самая логика, которую принял Путин, ратуя за “политику нормальности” и международную экономическую интеграцию. Тем самым политика нормальности жестко контрастирует с политикой личности, чей дух преследовал российскую историю на протяжении веков.

Крипто-демократический государственный режим обрел свои формы во время президентства Ельцина, но каким образом этот режим и его правительственная практика развивались при Путине? Можем ли мы вообще утверждать, что данный режим по-прежнему существует? Мои доводы сводятся к тому, что крипто-демократия остается преобладающей характеристикой государственного режима, но система отношений внутри правительственного режима, его образ действий и взаимоотношения с обществом претерпели значительную эволюцию. Рассмотрим происшедшие изменения по порядку.

1. Первое и самое важное изменение – новая взаимосвязь между экономикой и политикой. Если при Ельцине было налицо глубокое взаимопроникновение этих двух сфер (до такой степени, что доступ к правительству стал одним из ключевых

экономических ресурсов), то Путин заявил о своем намерении держать все частные экономические интересы поодаль от правительства и на одинаковом расстоянии. Это можно было бы истолковать как знак неприятия итальянского и японского стилей политической экономии, но на данной стадии не будем спешить с выводами. Возникла новая модель взаимоотношений политики и экономики; ниже мы рассмотрим некоторые ее черты.

2. Сердцевина предпринятой Путиным реконфигурации отношений власти – реорганизация патронажного и политического механизмов. Если Ельцин собирал за своим столом ключевые фигуры для дружеского и политического общения по семейным и государственным делам, между которыми не проводилось больших различий, то при Путине преобладают формальные механизмы. Предпринятая им реорганизация партийной системы служит основой долгосрочного развития механизма, формально инициируемого для распространения политики режима и создания общенациональной системы патронажа, которая бросила бы вызов альтернативным патронажным сетям регионального уровня.

3. Мишель Дебрэ, основатель Пятой республики во Франции, призывал к установлению “республиканской монархии”, и де Голль не уставал повторять эту фразу. В России, где политическая система на три четверти – президентская, “монархические” тона еще более заметны, чем во Франции. Именно это побудило Клямкина и Шевцову заговорить о “выборной монархии” в России¹⁹. Монархия, однако, предполагает, что главным элементом в ней является власть, а не призвание – поэтому необходимость общаться с электоратом и черпать политическую легитимность в общественной поддержке, характерная для президентской системы, ставит такую параллель под сомнение. Во Франции, в меньшей степени в России, президентская власть имеет реальные границы. Вдобавок операции по наследованию власти от Ельцина к Путину отнюдь не был гарантирован успех, который был обеспечен в немалой степени личными качествами Путина и отсутствием других реальных претендентов²⁰.

4. Хотя харизма скорее обеспечивается положением, а не персональными чертами высшего государственного руководителя, стиль руководства заметно изменился в период перехода власти от Ельцина к Путину. Ельцин-личность возвышался над всеми и доминировал благодаря сильному характеру; Путин больше полагается на создание культа лидера с помощью административного искусства. Элементы “культа личности” Путина возникли удивительно быстро, о чем свидетельствовали его портреты на официальных зданиях и многое другое. Если имидж Ельцина создавался как имидж человека из народа, решительного бунтовщика и революционера, то в Путине акцентируются железная воля, здоровье, молодость и решимость, подкрепленная массовой поддержкой. Элементы просвещенного авторитаризма объясняются именно своей укорененностью в массовой поддержке, и такой облик заботливо охраняется и пестуется. Конечно, из этого не следует,

что у Путина нет искренних поборников и поддержка ему создается искусственно, но за ней внимательно следят. Больше того, Путин не всегда и следует общественному мнению; так, он выступает за отмену смертной казни, хотя согласно опросам 80% респондентов хотели бы сохранить ее.

5. При Путине институциональная консолидация обрела второе дыхание, что выразилось в усилившемся самоутверждении государства и устранении альтернативных самостоятельных источников власти. О двойной природе этого нового самоутверждения мне уже довелось писать; ниже мы исследуем глубоко противоречивый характер развития государства при Путине. Пока будет достаточно отметить, что самоутверждение государства может происходить как во благо демократии, так и во вред ей: при Путине мы видим и то, и другое.

6. Изменился сам характер политического процесса. Первоначально он принял форму опасной гомогенизации политической арены, особенно явной в период президентских выборов 2000 г. Даже Павловский обратил внимание на отсутствие серьезной оппозиции на этих выборах и высказал предостережение: “Если и дальше не будет сильной, мыслящей оппозиции новому президенту, так сказать, второму или третьему Путину, власть окажется в политической изоляции, а страна в опасной ситуации”²¹. Правда при этом Павловский подчеркнул: “Время, когда предвыборные договоренности стали административными, а следовательно, финансовыми, ушло вместе с эрой Ельцина”²². Отказ Путина давать экстравагантные обещания на президентских выборах 2000 г. резко контрастировал с поведением в 1996 г. Ельцина, который наобещал всем все, что только можно, и прежде всего олигархам. И хотя после выборов Ельцин дезавуировал большинство своих публичных обещаний, он все же расплатился с теми, кто финансировал его избирательную кампанию, открыв тем самым врата “золотому веку” олигархов – периоду, который длился вплоть до финансового краха в августе 1998 г. Путин, если сказать коротко, настаивает на том, что политика должна быть самостоятельной, и тем самым явно отмежевывается от стиля руководства Ельцина. Для Ельцина была важна его личная самостоятельность, и ради продления срока своего правления он был готов поступиться интегральным единством режима. Путин проявляет больше готовности поступиться личным лидерством во имя целей системы.

Итак, общей характеристикой российской посткоммунистической политической системы (государственного режима) является значительная степень преемственности эпох Ельцина и Путина, но правительственный режим претерпел существенную эволюцию. В дополнение к перечисленным выше пунктам можно указать, что отношения между режимом и масс медиа изменились как незаметным, так и весьма заметным образом, русское православие приобрело статус полуофициальной религии и, конечно же, важные сдвиги произошли в федеральных отношениях, но обо всем этом уже не раз говорилось. Поэтому далее мы

рассмотрим пара-политические аспекты правительственной системы в увязке с программными изменениями.

“Третий путь” Путина и пост-переходная консолидация центра

Поляризация, характерная для руководства Ельцина, уступила место консенсусному и “центристскому” подходу. Проанализируем эти подходы.

Консенсус: стратегия или слабость?

Стиль Путина – это бесспорно стиль консенсуса, причем до такой степени, что кое-кто подметил черты “горбачевщины” в его действиях: неспособность принять решительные и последовательные политические решения. Александр Ципко диагностировал подверженность Путина “синдрому Гамлета”. “За некоторыми исключениями, – пишет Ципко, – он пока не способен сказать определенно “да” или “нет” по какому бы то ни было вопросу, касающемуся кадров. Рассказы о железной воле Путина и его решимости в достижении поставленных целей явно преувеличены”²³. По мнению Ципко, возвращение Евгения Киселева на ведущие роли в телевидении (на ТВ-6), в консорциуме с представителями бывшей коммунистической номенклатуры (председателем Торговой палаты Евгением Примаковым и руководителем Союза промышленников и предпринимателей Аркадием Вольским), показывает, что Путин просто оказался не в состоянии “очистить телевизионный экран от всех перебежчиков”²⁴. Согласно другой интерпретации, Путина меньше волновал Киселев, чем проблема отсечения доступа к эфиру Бориса Березовского (а ранее Владимира Гусинского). Еще более важным фактором, полагает Ципко, явилась поддержка Киселева либеральным сообществом на Западе, особенно в США, которое Путин не хотел задеть, налаживая “нормальные” отношения с G-7. Помимо всего прочего, консорциум, стоящий за Киселевым, поддерживался группой олигархов, возглавлявшейся Анатолием Чубайсом и включавшей ряд членов “семьи”: Романа Абрамовича, Олега Дерипаску (чьим тестем стал Валентин Юмашев, теперь уже член ельцинской семьи в буквальном смысле слова), Александра Мамута и др. Согласно Ципко, эпизод с ТВ-6 показал, что у Путина “нет достаточных административных, политических и финансовых ресурсов, чтобы справиться с Семьей, особенно учитывая, что она действует в согласии с либеральной элитой и крупным бизнесом. Старая кремлевская элита в соединении с Либеральной партией, руководимой Анатолием Чубайсом, сейчас просто не по зубам Путину”²⁵. Данный аргумент постулирует, что правительственный ре-

жим обладает крепостью, превосходящей силу отдельно взятого президента. Можно пойти дальше и предположить, что в определенный момент группы интересов и лица, поддерживающие режим, могут счесть целесообразным ликвидировать какую-либо конкретную должность.

Однако в какой степени Путин является пленником режима? Несомненно, в кадровых вопросах Путин отнюдь не безжалостен. Уволенные чиновники один за другим получают новые назначения; пожалуй, наиболее впечатляющим было перемещение бывшего губернатора Приморского края Евгения Наздратенко на пост министра рыбного хозяйства. Бывший председатель распущенной президентской комиссии по помилованиям и активист движения за права человека Анатолий Приставкин был немедленно назначен одним из советников Путина. Сознательная атака на членов “семьи” говорит об известной свободе маневра, но та крайняя осторожность, с которой действует Путин (например, в случае со смещением министра путей сообщения Василия Аксененко), указывает на то, что его власть имеет свои пределы.

Тем не менее, Путин сохраняет способность к решительным шагам. В определенных моменты он принимал решения, нарушавшие консенсус. Примером служит его речь 24 сентября 2001 г. и настойчивость в создании коалиции против терроризма. Это, конечно, не означает полной политической самостоятельности, но показывает, что в определенных сферах политики (а внешняя политика, конечно же, является прерогативой президента) есть простор для осуществления независимого руководства.

Центризм Путина или что есть “центристского” в путинском “третьем пути”?

Как уже говорилось, по своей фундаментальной сути центризм Путина олицетворяет не просто стремление избежать крайностей слева и справа, крайностей повернутого назад традиционализма, национализма, обращенного к Западу телеологического модернизаторства, но радикальный центризм, исповедуемый Гидденсом и другими теоретиками “третьего пути”, однако приспособленный к российским условиям.

По мнению Виктора Шейниса, на выборах в Думу в декабре 1999 г. победу одержали “квазицентристские” силы²⁶. Он считает, что базовая политическая ориентация этих сил состоит в поддержке правоориентированной экономики и левоориентированной политики; это экономический либерализм плюс великодержавный политический курс. Такая ориентация предполагает продолжение приватизации и других экономических реформ, но также сохранение железной хватки бюрократии в отношении “рынка”. Согласно Шейнису, президентские вы-

боры 2000 г. выявили лишь минимум движения к самостоятельному гражданскому обществу, а также отчуждение политического класса от глубинных общественных слоев. Эту пропасть между системой власти и обществом отметили и многие другие наблюдатели, и посему понятие “квазицентр” представляется обещающим. Квазицентр образуется не посредством исторического слияния на базе центристской политической позиции, а в результате оппортунистической кооптации политических акторов и идей ради обеспечения выживаемости режима.

Однако идет ли речь о допущении манипулируемого и оппортунистического квазицентра, или центризм Путина действительно отражает отчетливый тип русского варианта “третьего пути”? Истинный “третий путь”, а ля Гидденс, берет истоки не в простом отбрасывании идеализированных представлений левого и правого толка в том виде, в каком они отражаются в традиционной классовой политике, а в стремлении создать подлинную радикальную политику центра. Это не тривиальный политический проект, хотя многое из того, что пишут и говорят по данному поводу, воистину банально. Вкратце можно сформулировать следующий вывод: в то время, как на Западе “третий путь” являет собой попытку примириться с очевидным истощением ресурсов традиционной социальной демократии и обновить ее, российский “третий путь”, или настоящая центристская политика, коренится в более старой традиции либерального консерватизма. Мыслители типа Петра Струве и Семена Франка привлекаются для подкрепления возникающего консенсуса вокруг русского “третьего пути”, основанного на реконституировании государственной власти при одновременном продолжении рыночных реформ и интеграции в мировую экономику.

Хотя Людвиг фон Мизес всегда утверждал, что нет никакого “третьего пути” или “третьей системы” между советской и американской формами социальной организации, сегодня, когда завершились холодная война и идеологическая конфронтация Востока и Запада, возможности выявления различных путей развития более актуальны, чем когда бы то ни было. Ясное дело, мы не заикливаемся только на “третьем пути”, ибо нет причин полагать, что немислимы четвертый, пятый и прочие пути. Однако в нашей концепции понятие “третьего пути” означает попытку преодолеть традиционно оппозиционную природу западноевропейской и российской политики, держащейся разных полюсов – социализма и капитализма, рынка и не-рынка, индивидуалистического и коллективистского подходов к общественному развитию, универсализма и партикуляризма. С этой точки зрения “третий путь” представляет не абстракцию, а весьма специфическую реакцию на самоидентификацию России и проблемы развития в современных условиях.

Кеннет Джоуитт высказал мысль, что ввиду сильного “наследия ленинизма” в Восточной Европе традиционные попытки сбалансировать экономический рост и демократическую политику могут оказаться там неэффективными. Либеральный авторитаризм вполне может стать более желанной альтернативой и более

практическим политическим курсом, чем утопическое стремление немедленно ввести массовую демократию в Восточной Европе²⁷. Вот этого выбора между возвратом к авторитарному порядку и воцарением демократического анархизма Путин хотел избежать. За разговорами о “направляемой демократии” и “манипулируемой демократии” (если использовать терминологию Сергея Маркова) скрывается основной вопрос, который сформулировал Хантингтон в своей классической работе: как поддерживать политический порядок в меняющихся обществах²⁸. Путин предлагает новый подход к решению проблемы институционализации порядка, лежащего где-то между старомодным репрессивным режимом и анархизацией общественных отношений, характерной для начального периода существования посткоммунистической России. Ключевую роль здесь играет именно институционализация порядка, которая должна быть не внешней, искусственной, а соответствующей жизненным потребностям системы. Короче говоря, задачей было добиться интернализации, внутренней консолидации власти, с тем, чтобы она, утратив деспотический и произвольный характер, вписалась бы в инфраструктуру общества и приобрела легитимность. Задачей было перейти от власти, основанной на силе (power), к власти, основанной на авторитете (authority). Возможно, между радикальным либерализмом и авторитарной реставрацией действительно лежит иной путь, который сейчас и ищет Путин.

Путин и характер противоречий: антагонистические или неантагонистические?

Политика консенсуса и радикальный центризм, а также “нормальная” политика, которая ассоциируется с ними, содержат в себе фундаментальные противоречия. Перечислим некоторые из них и рассмотрим, насколько они разрешимы (неантагонистические противоречия) или неразрешимы (антагонистические противоречия).

1. Первое бросающееся в глаза противоречие заключается в том, что Путин полагается как на петербургских либералов, так и на сотрудников бывшего КГБ – эта двойственность отражается в его собственной карьере. Либерально настроенный офицер службы безопасности столь же необычен, сколь горячий лед (если перефразировать высказывание Лешка Колаковского о “либеральном коммунизме”), однако существуют четкие пределы влияния госбезопасности на формирование политики в путинской России. Здесь мы явно имеем дело с неантагонистическим противоречием. Пусть Путин был чекистом, но ведь он не привел вместе с собою к власти чекизм. Другое дело, что в противоречивом прошлом Путина может крыться внушительный ресурс для проведения кадровой политики и обращения за поддержкой к прямо противоположным социальным группам.

2. Противоречия кадровой политики проявляются в более широком политическом контексте: жесткий язык державного самоутверждения нивелируется последовательной приверженностью либеральному экономическому курсу; предпринимаются попытки привлечь на свою сторону интеллигенцию, главный оплот либерализма в России. В поиске союзников среди классов или групп общества выбор у Путина крайне ограничен: консервативного среднего класса, сколько-нибудь многочисленного и обладающего законной собственностью, в России нет; традиционные консервативные классы давно вычищены. Что касается групп интересов, конечно же, Путин стремился заручиться широкой поддержкой аппарата госбезопасности во всех сферах его деятельности; поддержкой чиновничества всех уровней, хоть оно и напоминает многоголовую гидру; поддержкой ключевых сегментов общества, таких как пенсионеры и крестьяне; поддержкой большого бизнеса, как организованного, так и олигархического. Вместе с тем он избегал специальных апелляций к рабочему классу из опасений, что это приведет к демагогическому популизму. “Силовики” были решительным образом отстранены от влияния на определенные сферы публичной политики, прежде всего сферы экономики и информации (за исключением вопросов, непосредственно связанных с войной в Чечне). Вдобавок, хотя сам Путин в определенной мере и государственный патриот, ему удивительным образом удалось оттеснить на обочину пылких поборников русофильской националистической государственности. Их влияние на политический процесс, вероятно, еще более снизилось по сравнению со временем Ельцина, хотя идеология государственников (в том виде, в котором она отражается в различных тенденциях почвенничества) и русское великодержавное мышление вряд ли ослабли в последние полтора десятилетия. Единственной связной политикообразующей идеологией в сегодняшней России является прозападный либерализм, какими бы фрагментарными ни были представляющие его политические силы. Повторим еще раз, здесь не только не обнаруживается антагонистическое противоречие, но само наличие противоречия выступает как источник крепости режима Путина.

3. Неизбежно возникает вопрос о том, в какой степени доверие Путина либеральной элите противопоставляет его “массам”. Включает ли либеральная западная элита в себя кого-либо помимо научного сообщества и вольнодумов крупных городов, или народ живет в другом мире? Хотя Путин и рано приобрел популярность, не приведет ли в конечном счете его постоянное следование по стопам Ельцина, во многих отношениях еще более энергичное и действенное, к политической изоляции и возможному падению? Первоначальным попыткам Путина договориться с КПРФ в Думе, например, в вопросе о дележе постов председателей думских комитетов, был дан задний ход. КПРФ бесцеремонно выдворили с ведущих позиций в Думе, и ее возможности использовать парламент как базу узкопартийной деятельности значительно уменьшились. Ясно, что Путин руковод-

ствовался политическим расчетом, подсказывавшим ему, что КПРФ уже не представляет большую силу. Но как быть с примерно 30% населения, традиционно голосовавшими за коммунистов? Не приведут ли союз с относительно немногочисленной либеральной элитой и прозападная политика к противостоянию с народом? Очевидно, что пока признаков такого хода событий мало, националисты-державники и коммунисты маргинализируются, – но вполне могут возникнуть новые источники почвенничества.

4. Выше было отмечено, что Путин преследовал олигархов весьма выборочно и пристрастно. Большинству он предложил сделку: вкладывайте свои несправедливо добытые барыши в производственный (“реальный”) сектор российского хозяйства или готовьтесь к худшему. Самым ярким примером союза между государством и олигархами явилось привлечение Российской алюминиевой компании Олега Дерипаски к покупке и последующей реструктуризации Горьковского автомобильного завода (ГАЗ). Путин надеялся, что утекшие доходы вернутся из офшорных тайников и помогут оживить экономику. Очевидное противоречие этой политики заключается в том, что компаниям, родившимся в коррумпированной среде эпохи “прихватизации”, будет трудно стать примерными капиталистами, опирающимися на прозрачную отчетность, ответственность перед акционерами (включая мелких) и юридически безупречных директоров. Хотя политика Путина логична с точки зрения ближней перспективы, такая модель экономического развития служит наглядным свидетельством санкционированного государством присвоения ресурсов. Немало размышляют над тем, насколько близко она напоминает корейскую систему “чеболей” (chaebol) и японскую “кейрецу” (keiretsu). Задуматься здесь стоит над тем, не преобразается ли российский номенклатурный капитализм в нечто столь же нестабильное, как тот семейный капитализм, который отчасти стал причиной финансового кризиса 1998 г. в Восточной Азии. Судить же, является данное противоречие антагонистическим или нет, еще рано.

5. Фундаментальное противоречие вполне может возникнуть вследствие того, что, стремясь перенести современную либеральную демократию на российскую почву, Путин отвергает “евразийские” альтернативы западной капиталистической демократии. Эта двойственность отражена в известном заявлении Путина в манифесте нового тысячелетия: не скоро еще, если это вообще случится, Россия станет вторыми США или Англией, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. Некоторые критики истолковали это так, что Россия вообще не превратится в либеральное государство, однако Путин явно имел в виду другое – Россия будет либеральным государством, но придет к нему своим путем. Именно здесь обнажается глубокое противоречие: оставила Россия свои чаяния исключительности и “особого пути” или нет? Вне сомнения, старый мессианизм славянофильско-народнического и марксистского толка был отброшен, равно как

и российские националистические неоимперские варианты евразийства. Однако основания путинского почвенничества неуловимы и противоречивы.

6. Именно по этой причине главный глашатай современных концепций русской исключительности, КПРФ, сначала воспринявшая путинизм как должное, затем встала в полномасштабную оппозицию по отношению к нему. Даже более интеллигентные представители КПРФ вроде Ивана Мельникова подвергли ориентированную на Запад политику Путина суровой критике, усмотрев в ней полную капитуляцию перед западными ценностями. То концептуальное поле, в которое переместилась эта партия, тот домен управляемой социальной демократии, ставящей во главу угла заботу о благосостоянии, уже оказались заняты режимом Путина, причем не ради партнерства с КПРФ, а, напротив, с целью лишить коммунистическую оппозицию удобной платформы, позволяющей ей поддерживать оппозиционный потенциал. Поэтому КПРФ была вынуждена перейти на более экстремистские позиции, а ее эволюция в сторону социал-демократии зашла в тупик. Кроме того, был предпринят ряд административных мер, направленных на ослабление позиций коммунистической партии в электорате вообще и в регионах, в частности. Эта стратегия, однако, опасна тем, что она заставляет главную оппозиционную силу следовать более радикальной антисистемной программе, что в долгосрочной перспективе может стать угрозой существующему конституционному порядку. Другими словами, противоречивые практики стремления то к согласию, то к разногласиям не благоприятствуют сохранению хрупкой стабильности в России.

7. Выше мы отмечали, что консолидация государства может одновременно как способствовать утверждению демократии, так и похоронить ее. При Путине можно наблюдать и то, и другое. Он стремился сделать власть более централизованной, но в то же время уравнивать с помощью централизации права граждан по всей России. Объявленной целью было обеспечить универсальность гражданского статуса в стране, не нарушаемую возникновением различных неофеодалных – патримониальных или этнократических – режимов на местах. Можно таким образом утверждать, что Путин выступает скорее как уравниватель, чем централизатор, но фундаментальный вопрос заключается в том, о чем идет речь – уравнивании гражданских и демократических прав в полном объеме или равенстве в субординации.

8. Повторюсь, существует значительное противоречие между поощрением режимом гражданской активности и его попытками поставить эту активность под контроль. Остается неясным, является ли “управляемая демократия”, о которой говорят советники Путина, опасностью, которой надо избежать, или программой, которую следует претворять в жизнь. Режим Путина всего лишь часть более широкого процесса конституционной политики в посткоммунистических государствах, где режимы конституируют базу не только собственного сохранения, но и

всего социально-политического порядка в обществе. Такие режимы не ограничиваются воспроизведением подсистемы управления в нормативных рамках системы в целом, а неизбежно расширяют сферу действия. Правительство сливается с режимом, который, в свою очередь, временами становится неотличим от государства. Если для Карла Шмитта трагедия Веймарской республики заключалась в том, что политическое начало было поглощено социальным (общественные интересы и движения приобрели возможность прямым неопосредованным образом доминировать над государством), то в России, напротив, политическая сфера угрожает поглотить общественную. В 1927 г. Шмитт дал определение политического начала как способности сделать выбор в пользу друга или врага и действовать соответствующим образом. В свете сказанного напрашивается вывод, что режим Путина добивается воссоздания главенства этого начала.

9. Россия обременена рядом проблем, которые создала не она сама. Слишком часто демократическая теория не связана с эпистемологической основой собственного существования. Не нужно быть, например, марксистом, чтобы задаться вопросом: не служит ли “демократизация” просто знаменем, под которым восходящий класс рвется к власти?

Заключение

В какой степени Путин был продолжателем ельцинизма, а в какой отвергал его? Насколько изменился режим во всех его смыслах? Если под режимом иметь в виду характер государственной системы в целом, можно ли сказать, что относительно демократическое, хотя и беспорядочное правление Ельцина сменилось более упорядоченной, но полуавторитарной системой? Что касается новой внутренней конфигурации самого правительственного режима, привела ли она к изменению взаимоотношений государства и общества и если да, то каким образом?

Если говорить о стиле управления, ясно, что Путин порвал с инклюзивной режимной политикой, характерной для Ельцина, которая позволяла включать олигархов, технократов, региональных боссов и высшее чиновничество в широкую правящую коалицию. Путину удалось добиться, чтобы олигархи типа Березовского были отдалены от источников власти, но это не означает, что политическая база его режима сведена к армии и службам безопасности. Невозможно осмыслить правление Путина с помощью упрощенческих формул, например, считая его инструментом в руках старого КГБ.

Переходный режим уступил место режиму “нормальности”, хотя в нем заметны элементы “нормализации”. В известной степени режим поглотил государство, а исполнительная власть поглотила представительную. Однако возникают новые очаги противоречий, ввиду чего сохраняется опасность новых

беспорядков – но также и возможности обновления демократизации. Наиболее существенное противоречие может возникнуть в связи с тем, что Путин в конце концов выведет страну из кризиса, но в то же время завершит период “кризиса” в том смысле, в котором это слово употребляли древние греки – времени размышлений о судьбах полиса (общества), и это вряд ли хорошо для России.

Примечания

1. Giddens A. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. – Cambridge: Polity Press, – 1998. См. также Giddens A. *The Third Way and its Critics*. – Cambridge: Polity Press, 2000; Giddens A. (ed.). *The Global Third Way Debate*. – Cambridge, Polity Press, 2001.

2. Reddaway P. and Glinski D., *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. – Wash.: The United States Institute of Peace Press, 2001.

3. Стенограмма “Прямой линии” Президента Российской Федерации В.В.Путина, 24 декабря 2001 г. (<http://www.president.kremlin.ru/events/423.html>).

4. Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – М., 1999. – 30 декабря. – С.4 (www.pravitelstvo.gov.ru). Манифест “Россия на рубеже тысячелетий” см.: Putin V. *First Person: An Astonishingly Frank Self-Portrait by Russia's President Vladimir Putin* (with Natahya Gevorkyan, Natalya Timakova and Andrei Kolesnikov, translated by Catherine A. Fitzpatrick). – L.: Hutchinson, 2000, P.212. Путин говорил об исторической несостоятельности коммунистической системы, подчеркивая, что это был “тупик”, уводящий от основного потока “мировой цивилизации”. Выражение “тупик” явно заимствовано у Солженицына, описавшего советский коммунизм как сумасшедший рывок в тупик.

5. <http://www.president.kremlin.ru/events/131.html>.

6. Опрос ВЦИОМ см. RFE/RL Newline, 3 January 2001.

7. Новый национальный гимн, принятый в декабре 2000 г., был старым гимном 1943 г., написанным композитором Александром Александровым на слова Сергея Михалкова, который теперь сочинил к нему и новые слова. Тем самым акцентировалась преемственность формы и содержания.

8. Московский комсомолец. – М., 2000. – 30 декабря; The Jamestown Foundation, Monitor, 2 January 2001.

9. Символом противоречия между русской и вестернизированной моделями развития стал перенос российской столицы из Москвы в Петербург, ставший “окном в Европу”, и, возможно, не случайно уроженец Петербурга попытался разрешить это противоречие.

10. «В Кремль “через постель” не попадешь» // Аргументы и факты. – М., 2000. – № 12. – С.9.

11. Скептическую оценку этого концепта см. Schedler A. “What is Democratic Consolidation” // *Journal of Democracy*. – Wash., 1998. – Vol. 9, N 2. – P.91–107.

12. Linz J.J. and Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. – P.5.

13. Higley J. and Gunther R., Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Higley J., Pakulski J. and Wesolowski W., Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe. – Basingstoke: Macmillan, 1998.

14. Huntington S.P., The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

15. Hanson S.E. Defining Democratic Consolidation // Postcommunism and the Theory of Democracy // Ed. by R.D.Anderson, Jr., M.S.Fish, S.E.Hanson and Ph.G.Roeder, with an Introduction by G.W.Breslauer – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001. – P.150.

16. О незавершенном характере российского демократического транзита см. McFaul M., Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin – Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

16а. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России//Полис. – М., 1997. – № 1. – С.61–82.

17. Интересный анализ данного вопроса содержится в книге: Hoffman J., Beyond the State: An Introductory Critique. – Cambridge: Polity Press, 1995, Part I.

18. Zakaria F., The Rise of Illiberal Democracy// Foreign Affairs. – N.Y., 1997. – Vol. 76, N 6 (November/December) P.22–43.

19. Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II: Некоторые особенности политического развития постсоветской России. – М.: Центр Карнеги, 1999.

20. Битва за наследование велась упорно и грязными методами, причем наследовавший правительственный режим использовал все мыслимые и немыслимые средства, чтобы обеспечить победу своему кандидату. И все же результаты выборов 26 марта 2000 г. в целом отражали настроения общества.

21. «В Кремль “через постель” не попадешь». – С.9.

22. Там же.

23. Tsipko A., Putin's Tactics for Compromise with the Liberals // The Jamestown Foundation, Prism. – April 2002. – Vol. VIII, Issue 4, Part 2.

24. Ibid.

25. Ibid.

26. Sheinis V. После битвы: Итоги парламентских выборов // Независимая газета. – М., 1999. – 29 декабря. – С.8.

27. Jowitt K., New World Disorder: The Leninist Extinction. – Berkeley: University of California Press, 1992.

28. Huntington S.P., Political Order in Changing Societies. – New Haven (Conn.): Yale University Press, 1968.

Перевод Ю.И.Игрицкого